

Священник
Николай ТОЛСТИКОВ
г. Вологда

ПРИХОДИНКИ

КРЕЩЕНСКОЙ НОЧЬЮ

У проруби в крещенскую ночь следят за порядком казаки. По берегам реки толпы людей: и тех, кто окунуться в ледяную купель жаждет, и просто зевак и сочувствующих. Слепит глаза прожектор, застуженными голосами поют певчие на молебне; кружатся, падают неторопливо снежинки.

Водосвятие закончено: храбрецы устремляются к вместительным солдатским палаткам с нагретым печками воздухом и потом уже в «купальных костюмах» сигают в прорубь. Казаки на краях ее топчутся, помогают купальщикам выбраться из воды.

Шумно, гáмно, оживленно.

— Эх, была не была! — решается молодой батюшка. — И я окунусь!

Тоже скрывается в палатке и выбегает из нее ясно что не в подряснике. С ходу, отчаянно творя молитву, плюхается в прорубь и выныривает обратно с жутким оханьем, выдыхая воздух и тараща глаза.

Тут же над батюшкой склоняется казак и строго грозит пальцем:

— Не маются, молодой человек!

О ВОДЕ И ЖИДКОСТЯХ

Наш игумен в крещенский сочельник во дворе возле храма освящает воду. Всё как всегда, — на подставке «иорданчик» с тремя зажженными свечками, жаждущие бабульки с тарками и бутылками, привозная цистерна с родниковой водой.

По окончании освящения обычная толчея. Потому что преобладает народ, который в храм заходит дважды в год — в праздник Крещения Господня за водичкой и на Пасху куличи святить.

Один из этих «захожан» нетерпеливо орет на ухо игумену, потрясая порожней пластмассовой бутылку-пятилитровкой:

— Почему бы это не сделать в проруби на реке? Вон воды сколько, на всех бы хватило! Или на лед вам выйти слабо?!

Игумен спокойно осаживает «бузотера»:

— Что в молитвах освящается? Вода. Причем чистая. А не жидкость. Речка в нашем

городе, как сточная канава, временами аж лед разъедает. Какие там только жидкости не текут, подумать страшно!.. Так что учись, дорогуша, смирению — жди, когда твоя очередь к цистерне за чистой водой подойдет!

СИЛА СЛОВА

Весна 1993 года. Стылая высь кафедрального собора-музея. В алтаре в ожидании архиерея служащая братия перетаптывается с ноги на ногу, от дыхания — пар клубами. На улице вовсю бушует весна, поздняя Пасха, а внутрь храма тепло не пропускают толстенные стены. Поморозня такая, что счастливец тот, кто догадался зимнюю обувь надеть.

В поддерживаемой иподьяконами мантии, гулко ступая по истертым каменным плитам пола, идет к разверстым царским вратам владыка. Архиерею за восемьдесят лет; все — и духовенство, и прихожане — знают, что это его последняя служба, пришло ему время уходить на покой.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

Восторженно, ликуя, разносятся по храму пасхальные песнопения.

Владыка стоит перед Престолом, прикрыв глаза, сокровенно шепча молитву.

— А владыченька-то наш за годы управления епархией ни разу порога этого собора не переступил, — шепчет мне старый протоиерей. — Ему там про старинные фрески, про все прочее рассказывали, а он ответил как отрезал: «В свой кафедральный собор я войду как правящий архиерей, а не как в музей турист!» Точно слово дал! И дождался вот, свершилось. Сподобил Господь!

Службы пасхальные недолгие, и эта Великая Вечерня скоро подошла к концу. Владыка провел рукой по седой бороде: что-то блеснуло в ней. То ли это изморось от дыхания растеклась каплями, то ли слеза ненароком скатилась.

ПОЛКОВНИК

Первая Пасха в восстанавливаемом храме. На ночную службу, крестный ход придут пока немногочисленные богомольцы из окрестных домов. Большим количеством могут забрести любопытные зеваки, кто и под хмельком, зашумят.

В прежние богоборческие времена милиция вкуче с дружинниками дежурила возле храмов для того, чтобы отгонять неразумную в понимании «партийных товарищей» молодежку. Но и теперь от

полицейских патрулей на ночной службе не отказываются: мало ли что, да и времечко на дворе не самое спокойное.

Настоятель был новоназначенный: подзабыл позвонить куда надо, а когда спохватился — поздно. Полицейские патрули по всем храмам города уже распределены, хоть службу на утро переносят. Вот искушение!

Кто-то из прихожан посоветовал обратиться за помощью к местным казакам.

Ответил сам атаман и вначале не обнадежил:

— У меня тоже казачки все при службе! Хотя...

Есть еще один, но зато целого подразделения стоит! Ждите, придет!

К полунощнице, сняв фуражку и перекрестившись, в храм зашел казак, да не простой — с тремя большими звездами на погонах. На груди на мундире наградные планки. На висках — щедрая седина, но усы подкручены молодежато. Высокий, статный, приложившись к иконе, отошел в сторонку: прихожанки помоложе с любопытством заглядывались.

Крестный ход прошел как надо, без происшествий. Казак не спеша вышагивал сбоку от шествия богомольцев. Когда какая-то запяпанцовская компания из забредших зевак загомонила было, он приостановился и строго взглянул в их сторону. Там трусливо затихли.

Праздничную службу казак отстоял до конца. Похристосовался трижды с бабушкой-смотрительницей и благочестиво удалился с чувством выполненного долга, даже на праздничную трапезу не напросился.

Настоящий полковник!

ОТСТУПНИК

Дед тот был, как бы сейчас сказали, из пенсионерской группы «народных мстителей». Это те, кто на пенсию успел едва выскочить и — «пошла писать губерния» на кого бы то ни было во всякие инстанции, а пуще в районную газету. Витал слушок, что жители села со своим «селькором» не все здоровались: досадил он им, видать, основательно. Соринку в чужом глазу всегда хорошо заметно, не бревно в своем.

Редакция газеты затеяла слет рабочих и сельских корреспондентов, проще — внештатников. И меня, восьмиклассника, автора первых робких заметок, не забыли пригласить. В зале собрались десятка три человек; я — самый юный; сидящий рядом на

стулике серьезного вида старикан деловито пышные усы разглаживает.

Выступала какая-то бабушенция, наверное, старой закалки комсомолка и атеистка, призывала со всем прочим еще активнее бороться с происками служителей культа и всякими там религиозными предрассудками.

Следом — слово предоставили моему соседу деду. Тот, распушивая усы, неторопливо взошел на трибуну и заявил:

— Я ведь по молодости в церкву захаживал, свечки ставил и лоб крестил!..

Время еще сугубо атеистическое: в зале, если кто не ахнул, то набычился осуждающе, — дескать, какой ты темный был человек!

— ...Но и резко перестал! — выдержав значимую паузу, лукаво вывернулся дед. — Как же коммунизм-то строить?

И кто-то в зале тут же облегченно вздохнул: надо же, одумался вовремя, охламон!

О чем дальше ораторствовал старик, я уже точно не помню: вроде он осуждал кого-то...

Лет с того слёта минуло много. Слышал я, что этот «селькор» даже сук подрубил, на котором сидел: накатал начальству кляузу на захавших на чаёк литсотрудников из районной газеты. Якобы те от него к чаю кое-что «покрепче» потребовали.

Подумалось: эх, дед, лучше бы ты тогда, в свое время, в храм не переставал ходить! Глядишь, и односельчане с тобой бы здоровались и с обидою бы не косились. И рука бы не подымалась кляузы строчить...

А на том слёте я с изумлением смотрел на отпыхивающегося после своей «речуги» старого «отступника» и не думал еще, что стану священником.

И СМЕХ И ГРЕХ...

Благообразного вида бабулька священнику:
— Можно вам покаяться в грехах?

— Слушаю внимательно!

— Вот что-то, батюшка, мнится мне, что у моей соседки по даче глаз нехороший! У нее огурцы растут крупнющие, а у меня — одна мелочь.

— Ближе к делу, о грехах своих говори!

— Так и я к тому! Она в дырку в заборе заглянет и зырит, и зырит!.. У меня даже курочки перестали нестись! Злыдня! Только не добра мне желает.

— Ты не о соседке, о себе, грешной, рассказывай!

— Да как понять-то ты, батюшка, не можешь?!

От нее петух через забор перелетел грядки у меня разорять, специально ведь соседка выпустила... Ах, думаю, гадина! И камнем — в него!

— Попала, зашибла божью тварь?!

— Эх, промазала! — сокрушенно вздохнула бабулька. — Но греха-то на душу не взяла!

«КОПЕЕЧКА К КОПЕЕЧКЕ»

В один день два освящения подобрались — «колесницы» и нового дома.

«Колесницей» была грузовая «газель», выдавшая виды, с наспех замазанными краской вмятинами и царапинами на кабине.

Водитель, паренек из пригородной деревни, объяснился простодушно:

— Хочется, чтобы моя «ласточка» полетала еще! И без приключений. Бабка Маня сказала, что освятить ее надо. Тогда Бог меня и машину сбережет.

Прочел я молитвы, окропил святой водичкой «колесницу», заодно и водителя. Тот, довольнешенек, запрыгнул за руль и стремглав умчался с церковного двора.

Обычно в таком случае на храм жертвуют, да и батюшку, бывает, отблагодарят, но тут простительно — парень деревенский, а на селе сейчас народ не самый богатый.

Надо еще жилище освящать. Путь неблизкий, на другой край города, спасибо, что знакомый прихожанин до места на автомобиле добросил.

Там среди не заселенных еще новостроечно-многоэтажек затесался уютный, в два этажа особнячок. Внутри его все сияет новизной, молодые хозяева тороватые, из бизнесменов: мол, у нас всегда копеечка к копеечке жметя. Вот только когда завершился чин освящения дома, насторожились они вдруг, улыбочивые лица посуровели.

— Ладно, я вас отвезу до храма, не пешком же идти! — пообещал мне после долгого молчания и, косясь на супружницу, хозяин.

Подъезжая к храму, он вдруг с самым удрученным видом залапал свои карманы:

— Ой, хотел пожертвовать на церкву, да кошелек-то дома позабыл! Но ничего страшного, не заржавеет, завезу на днях!..

Выезжая из ворот ограды, он едва разминулся со влетевшей во двор знакомой, замызганной грязью «газелью».

— Заторопился я, забыл денежку на церкву дать! — виновато заговорил парень. — На такое дело жалеть — грех! Тут и без бабки Мани понятно...

Вот такой требный денек однажды выдался...

А владелец особняка до сих пор обещанное берет. Не один уж год минул. «Копеечку к копейке» всё жмёт.

БЕССРЕБРЕНИКИ

Триня и Костюня — пожилые тюремные сидельцы, и не по одному сроку за их плечами: то кого побили, то чего украли. И тут долго на волюшке ходить, видать, опять не собирались: подзудил их лукавый в ближней деревне церковь «подломить».

Двинулись на дело глухой ночью, здоровенным колом приперли дверь избушки, где дрых старик сторож, оконце махонькое — не выскочит, и, прилагая все нажитые воровские навыки, выворотили четыре старинных замка на воротах храма.

Побродили в гулкой темноте, пошарились с фонариком. В ценностях икон ни тот, ни другой не пендрили и потому их и трогать не стали. Наткнулись на деревянную кассу для пожертвований, расконали, но и горсти мелочи там не набралось.

— Тю! — присвистнул радостно Триня. — Бросай эту мелочевку, тут в углу целый ящик «Кагора»!..

На задах чьего-то подворья, в сараюшке устроили налетчики пир. Тут их тепленькими и взяли. Когда их вязали, возмущались они, едва шевеля онемевшими языками:

— Мы чё?! Ничё не спёрли, верим так как. Даже «Кагор» и тот допить не посмели!

ПРИСОСЕДИЛИСЬ

На заре советской власти в моем родном городке тоже предавались всеобщему безумию — переименовывать улицы. Прямо пойдя — Политическая, вбок поверни — Карла Маркса.

Проходя по центральной улице, спросил я у девчонок из местного сельхозколледжа: знают ли, в честь кого улица названа — Розы Люксембург?

Те лишь хихикнули, блеснув белыми зубнами:

— ?!

А уж кто такой по соседству Лассаль, не каждый здешний учитель истории, наверное, ответит.

Взгрустнулось.

Эх, погуливали когда-то наши предки по Соборной, назначали свидания на тихой, утопающей в кустах сирени Старомещанской, в воскресный день шли на службу в храм по Никольской!

Отреставрировали у нас недавно часовенку, освятили для верующих, в угловом здании бывшего горсовета открыли воскресную школу. Красивыми

такими большими буквами на стене ее название написали.

А чуть выше старая вывеска-указатель: улица Коммунистов.

Присоседились.

В БЕГАХ

Прихожане идут обычно прямоком в храм Богу помолиться, но иногда появляется «захожанин», кто в обширном церковном дворе, сосредоточенный, топчется на месте и, едва завидев батюшку, подлетает к нему, пламенея красноносо:

— Не хватает немного денег до родины добратся! — с самым жалостливым видом посетует, а то и слезу смахнет.

Такого бедолагу издали видно, и на приличный куш ему явно рассчитывать не приходится.

Но вот однажды кто-то осторожно тронул батюшку за рукав рясы и с восточным акцентом сказал:

— Выручай, брат! Мулла я бывший, крещение принял. Земляки следом идут, не простят. Уехать мне надо срочно из вашего города! Спасай!

Молодой батюшка от такого натиска растерялся и, что говорить, на выручку пришел: «позолотил» протянутую руку.

На другой день он позвонил по делам настоятелю соседнего храма и упомянул о происшедшем.

— Так от меня только что такой же бегляк ушел! — тоже растерянно ответил тот.

— А давай-ка мы позвоним отцу... (Он назвал имя настоятеля третьего храма.)

Что был за ответ, догадаться нетрудно.

Ловок же мужик! Воистину, голь на выдумки хитра!

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

Дядю Ваню, старшего брата моего отца, в родне прозвали Везунчиком. Не иначе в рубашке родился.

Когда грянула война, мобилизованные мужики и парни погрузились на баржу, и дряхленький катер-буксиришко с натугой потащил ее по воде вдаль от родного берега. Среди прощального шума и гама, плача, пиликанья гармошки ветер сорвал с Ванькиной головы кепку и швырнул ее за борт.

— Вернется мужик! Попомните мое слово! — воскликнул кто-то из стариков на берегу.

В запасном полку Ваньке с земляками выдали черные морские бушлаты, тельняшки, определили в морскую пехоту, но ни моря, ни кораблей новобран-

цы так и не увидели. Их, оказавшихся на «передке», сразу бросили в контратаку — сильно фашист пер. Немало пятен-бушлатов осталось скорбно чернеть на свежесвыпавшем снегу. Ваньку, раненого, выволок из-под огня санитар. И когда остатки роты выходили из окружения, солдатика земляки не бросили, дотащили до своих.

На фронт после госпиталя Ванюха больше не попал, отрядили его в специальную команду отлавливать в северных лесах диверсантов. С лесом он с малолетства был на «ты»: охотник куда хочешь, белку в глаз бил.

Вот только диверсанты ему пока не попадались, добывал Ванюха во время своего «патрулирования» для местного воинского начальства лосей и прочую живность.

В лесной избушке он обрел комячку-вдову, теперь, петляя по лесу, неизменно приворачивал к ее зимовью.

Тут-то и накрыли влюбленных настоящие диверсанты. Вломились в незапертую избушку; Ванька и до винтовки дотянуться не успел. Но... они — пленные красноармейцы — надумали сдаваться, и Ванюхе только оставалось их, трех здоровенных мужиков, до комендатуры «отконвоировать». Даже потом к медали представлен был.

Кончилась война. Ванюха вернулся домой и засел за рычаги трактора. Зимой трелевал лесины, весной пахал колхозные поля, распахивал и «усадыбы» односельчанам.

Однажды из-под плуга вывернулся в борозду горшок. Ванька бы его и не заметил, но в это время заглох трактор. Пришлось вылезать из кабины и чинить. Ванюха в сердцах отопнул треснувшую посудину и обомлел...

Среди черепков обозначилась приличная пачка денег. Не старья, а «советских», настоящих. Банкноты подмокли, и обалделый Ванька старательно налепил их на трактор подсушиться.

«Железный конь» заглох почти что посреди села, не где-то на дальней пашне. О находке первыми пронюхали ребятишки. Ванюха щедро отлеплял банкноты им на гостинцы. Один за одним подтянулись мужики. Гульба пошла на полную катушку, гонцы мчались в магазин — только пятки сверкали...

Очнулся Ванька на другой день под трактором. Рядом стоят соседка — сварливая баба и участковый милиционер, а на тракторной кабине — ни бумажки.

Выяснилось, что эта тетка продала родительский дом, а вырученные деньги пока спрятала от пьяницы-мужа в горшок и закопала.

Свидетели нашлись. Был суд. Присудили Ваньке выплачивать всю сумму.

Сидел он, чесал удрученно «репу»: как и рассчитывать? Хоть бы рублишко себе оставил, простофиля!

А тут еще мать корит:

— Лучше бы ты эти деньги в церкву отнес! Соседка-то хоть и криклива, но не стала бы с тебя обратно их требовать. Поруженную церкву еще с войны восстанавливаем, любая копейка к делу... Я за тебя всю войну молилась, просила у Господа, чтоб живой ты вернулся!

И вдобавок муженек-выпивоха той тетки при каждой встрече подъелдыкивает: знаю, мол, теперь, сколько денег у супружницы было, мимо меня они не пробегут. Выдавай мне вперед, Ванюха, авансом!

Довольный, гогочет.

И... вдруг хлопнула денежная реформа. Ванюхин должок в одночасье истлел, как фитиль в керосиновой лампе.

— Ну не везунчик ли?! — всплескивали изумленно руками односельчане.

А Ванюха, потрясенный, вспомнив слова матери, побежал в храм, где ни разу до того не был, и поставил перед иконами самую большую свечу.

ПОСТ

Полуслепой, вдовец, давным-давно «за штатом», хромой отец Василий ковыляет помаленьку с базара. В авоське-сетке в крупную ячейку, болтающейся в его руке, просматривается мороженая куриная тушка.

Кто-то из новоявленных фарисеев радостно, с показным сокрушением на роже, бросается к старику:

— Батюшка, ведь пост!..

Отец Василий останавливается, скорее не зрением, а по звуку голоса находит укоровившего его и обстоятельно изрекает:

— У кого нет, у того и пост!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Иеромонах Амфилохий на все руки мастер в одном лице: и настоятель монастыря, и клирошанин, и трудник. В общем, «сам читаю, сам пою, сам кадило подаю».

Монастырь возрождается в благодатном месте: вблизи нетронутый сосновый бор, где под сенью вековых деревьев ласково журчат, наполняя водой крохотные озера, целебные источники. Изумительная тишина, чистый до звона воздух.

В храме, недавно освобожденном от складских завалов, сохранились кое-где росписи, под ними — рака с мощами местночтимого святого, основателя обители.

Сначала потянулись сюда паломники, чтобы помолиться в монастырской тиши, приложиться к святым мощам, окунуться в источнике. Потом и турфирмы «разнюхали» — покатали в эти веси автобусы с разношерстными туристами. Кто побыть в монастырской благодати, а кто просто из праздного любопытства.

В одной такой глазеющей по сторонам группе крашенная дамочка с всезнающим видом заявляет:

— Надо не забыть благословение у настоятеля взять! У кого бы узнать, где он?

Озирается и видит: у скотного двора какой-то трудяга в длиннополой одежде перекидывает вилами навоз.

Морщит напудренный носик дамочка, но никого больше, кроме туристов-попутчиков, тут нет — придется подходить и спрашивать.

— Не знаете, где найти здешнего настоятеля? Я хочу у него благословение попросить.

— А сподобитесь?

Монах улыбается, втыкает в землю вилы и стряхивает с рук унавоженные рукавицы.

— Я настоятель!

Дамочка немного опешила — но что поделать под взглядами начавших усмехаться туристов! Подошла под благословение и поцеловала натруженную руку.

МОЛИТВЕННО!..

Отец Василий, настоятель храма, из музыкантов, в прошлом преподавал в консерватории. Любая фальшивая нотка, проскочившая во время совершения службы, вводит его в расстройство.

Недавно рукоположенный во диакона отец Федот — из армейских прапорщиков. Грубоват, голова ровно труба, и с музыкальным слухом он не в ладах, не иначе медведь на ухо наступил.

Страдальчески морщится от диаконских рулад на утрени отец Василий, но куда денешься — надо

новорукоположенного диакона учить.

Возгласив на каноне с солие перед богородичной иконой — «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!» так, что вздрогнули подвески на паникадиле, возвращается в алтарь Федот, покадивши храм.

— Отец Федот! — трагично вздыхает отец Василий. — Не надо так орать «Богородицу и Матерь Света», как будто взвод солдат в атаку поднимаете. Благоговейно, молитвенно надо...

КАПЕЛЬКА

Жоржа на спор прокрутили на лопасти винта вертолета когда-то во время срочной его службы в армии, и с той поры жизнь вращала и вертела бедолагу, бросала в разные стороны.

Кончилось тем, что оказался Жорж перед самым выходом на пенсию у нас на приходе бобыль бобылем, единственная родня — брат в деревне, да и тот бродягу Жоржа принять отказался. Все хозяйство и богатство Жоржа — допотопный обшарпанный чемодан, набитый всякой бесполезной всячиной, обмотанный цепью, замкнутой на висячий, приличных размеров замок.

Притулившись к приходу, Жорж взирал на молодого настоятеля как на благодетеля. Пономарничая — прислуживая в алтаре, он, разинув рот, ловил каждое того слово. Да вот беда — седая башка у пожилого Жоржа была с порядочной дырой: что влетало туда, тут же, без толку пошарабошившись, вылетало обратно. Настоятель молодой, горячий: Жорж от его раздраженных окриков и упреков тычется растерянно во все углы, словно слепая курица. И смех и грех!

«Уйду! Уйду! Уйду!» — отходя от службы, скулит забитой псиной в укромном местечке умаявшийся Жорж, однако же на следующее утро опять ожидает смиренно настоятеля. Смотрят все на беднягу жалеючи: точь-в-точь готовый услужить господину послушливый раб — от усердия и беготни аж подметки сапог, того гляди, задымят-ся!

Но не так прост наш Жорж!

В запертую дверь алтаря снаружи пытается постучаться диакон: обе руки поклажей заняты.

— Отопри, Жорж!

— Не инвалид! В другую дверь обойдешь! — ворчит недовольно Жорж и не трогается с места.

Что ж, каждый по «капельке выдавливает из себя раба»...

НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ!

Настоятель храма из районного городка давненько в областной столице не бывал, даже архиерей успел поменяться.

Надо ехать, брать благословение у нового.

Приехал, зашел во двор епархиального управления. Видит: автомобиль чинят, из-под него ноги чьи-то торчат. Батюшка был то ли из отставных вояк, то ли из «ментов», церемониться с простым, да тем более с обслуживающим, людом особо не привык:

— Эй ты, водила! — окликнул он ремонтника и даже по подошвам ботинок того легонько попинал. — Не знаешь, новый владыка на месте?

Ремонтник молча и неторопливо выбрался из-под автомобиля и, обтирая тряпкой испачканные маслом руки, с нескрываемым любопытством поглядывал на вопрошавшего:

— Вообще-то, я не водила, а ваш новый владыка!

Батюшка тут и сел...

ЗНАЧКА

Дед Игнашка и баба Глаша слыли в городке скупердьями. Невзрачный их домишко кособочился с краю церковного погоста, но в храм зайти, лоб перекрестить да копеечную свечку поставить они не удосуживались.

То ли от отца, то ли еще от деда получил Игнашка в наследство охотничью берданку, но применял ее больше для баловства — стрельбы по воронам: добытчик из него был никудышный. Раз, собираясь на охоту, в избе заряжал берданку, и та возьми да выстрели. Заряд дробы вдребезги разнес стекла в окне. Но Игнашка много не унывал, заколотил раму листом толстой фанеры, и баба Глаша с таким «рационализмом» мужа согласилась: сойдет и так, все на новое стекло деньги не тратить.

Сидя на пенсии, дед Игнашка перебивался еще починкой прохудившихся валенок у односельчан. Не раз и не два он затаивал от бабки значки на винишко, но безуспешно — у бабы Глаши нюх на них был собачий. Следом еще и взбучка старика ожидала.

Когда бабка опять потребовала у Игнашки добровольно выложить мзду за очередную халтуру, дед, как обычно, пожал плечами: мол, ищи сама, коль найдешь! И сидел бы Игнашка дальше, со спокойствием ожидая своей участи, но вдруг сокрушенно хлопнул себе ладонью по плечи:

— Чужие, не своей жонки, катаники заказчик унес! Перепутал я, не те ему подал. А в одном из них под стелькой я денежку припрятал. Если ж валенки примерили, то...

— Так чего сидишь сиднем, старый дурак?! А-а, сама догони! — баба Глаша, в чем была, метнулась вдогонку за заказчиком.

Тот мужик еще и до избы своей не дошел, как догнавшая его старушка вырвала из рук его валенки. Ковыляя обратно к дому, бабка Глаша попеременно совала в их голенища руку, но, ничего не нащупав, только охнула и осела тяжело в сугроб на обочине.

Игнашка, довольно похихикивая, разглаживал на своей коленке припрятанную благополучно купюру, когда мужик-заказчик приволок стонущую бабку, которую вдруг парализовало...

С того дня кончилась для Игнахи беззаботная житуха: стало надо обихаживать большую недвижимую супружницу. С той поры и в храм стал Игнаха заходить свечки ставить, молиться: может, еще поднимется жадная старуха.

КАК ОТЗЫВАЕТСЯ, ТАК И НАЗЫВАЕТСЯ

На телевидении журналист берет интервью у пожилого священника и с легкой ехидцей интересуется:

— Батюшка, а слово «поп» ругательное или нет?

— С чего это вы взяли? — отвечает священник.

— Ничего ругательного в этом слове нет, и расшифровывается оно очень просто: «пастырь овец православных!»

— Тогда, выходит, я — баран?.. — пытается схомить журналист. — Раз мужского рода?

— Выходит! — вздыхает батюшка. — Раз сам так считаешь!

КАК Я СТАЛ ДЕДОМ

Всему свой срок. И мне пришло времечко дедушкой становиться...

Дочь в роддоме мучится; брожу потерянно по улице. Зашел на огонек в старинный особнячок в центре города, где контора местного отделения Союза писателей России квартируется. Братья-писатели посочувствовали, кручину мою по-своему истолковали: достали из ухоронки добрый остатчик — на, успокой нервишки! И ушли в соседнюю комнату какое-то совещание проводить.

Сижу-посиживаю: мобильник в ожидании на столе, возле посуды закинутые салфеткой пустые рюмашки.

Из коридора в дверь прошмыгнул невеликого роста, плотный, прилично одетый старикан со старомодным дипломатом в руке, стрельнул испытующе в мою сторону колючими глазками и уселся за соседним, донельзя заваленным рукописями, секретарским столом, приняв выжидательно-скучающую позу.

Немало тут старикашек всяких-разных шастает с толстенными тетрадками мемуаров лишь для того, чтобы кто-то хотя бы вид сделал, что их творения прочитаны.

Старичок не мешает мне, сижу дальше.

Трель мобильника: зять звонит! Всё — ты дед!

Шумно общаемся с зятем по телефону и нескоро умолкаем.

Глядь: старичок уже сидит напротив меня и с нарочито-деланной улыбочкой мне руку через стол тянет:

— Уважаемый товарищ, поздравляю вас со знаменательным в вашей жизни событием!

От предложенной рюмки он воротит нос, морщится, но потом с явно притворным тягостным вздохом опрокидывает залпом ее содержимое в себя: ну, только если ради вас...

— А вы тоже писатель?! — занюхав хлебной коркой, деловито вопрошает он меня.

Получив утвердительный кивок, спрашивает у меня фамилию.

Вижу: особого впечатления мой ответ на него не производит. Интересуется старичок только: не родственником ли мне приходится такой-то председатель колхоза.

— Нет. А что?

Старикан приосанивается, в голосе его даже металл бряцает:

— Я работал в том районе первым секретарем райкома КПСС!

Я с места не подпрыгнул, под козырек не взял, подобострастную мину себе на лицо не нацепил. Сижу себе, хлеб жую.

«Партайгеноссе», видя к себе такое «почтение», немного скукисился и вдруг воткнул мне в грудь палец:

— А вы где работаете, товарищ?

— В церкви служу.

Старичка мой ответ явно огорошил, бедный даже поперхнулся, но со стула прытко вскочил.

— Бывайте... — процедил он сквозь фальшивые зубы и бывал таков.

Впрямь черт от ладана рванул — видал, может, кто?

Вот так, в компании за рюмкой с «партайгеноссе» и стал я дедом. Никогда бы не подумал...

Николай Александрович ТОЛСТИКОВ

родился в 1958 году в г. Кадникове Вологодской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Священник храма святителя Николая во Владычной слободе Вологды. Публиковался в российских и зарубежных изданиях, сборниках. Автор книг «Пожинатели плодов», «Без креста», «Лазарева суббота», «Приходские повести». Награжден медалью Василия Шукшина, учрежденной Союзом писателей России, и др. Лауреат премии журнала «Север» за 2021 год. Член Союза писателей России.

